

Продовольственный кризис во Владивостоке в годы Гражданской войны и деятельность городского самоуправления по введению карточек

Татьяна Зиновьевна Позняк,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

E-mail: tzroznyak@mail.ru

Статья посвящена борьбе органов государственной власти и Владивостокского городского самоуправления с дефицитом и дороговизной продовольствия и товаров первой необходимости во Владивостоке в 1919—1920 гг. В период острых кризисов снабжения местное самоуправление было вынуждено идти на крайние меры — вводить карточное распределение продуктов. Городская дума принимала подобные решения ежегодно, начиная с 1916 г. Автор рассматривает два случая введения в городе карточной системы распределения продуктов и товаров первой необходимости — в 1919 и 1920 гг. Оба раза введение продовольственных карточек сопровождалось проблемами. Первый раз оно было осложнено длительным процессом передачи городу продовольственного дела от Уполномоченного министра снабжения и продовольствия, второй — стремлением Финансово-Экономического Совета исключить нетрудовое население и иностранцев из системы обеспечения продовольствием по карточкам. Хотя городская дума несколько смягчила радикальный вариант, введя карточки трёх категорий. Но и такое решение, дискриминировавшее иностранцев и жителей города, не состоявших в профсоюзах, вызвало протесты населения и консульского корпуса. Несмотря на протесты и очевидное противоречие действовавшему Городовому положению 1917 г. карточная система была сохранена. Её введение каждый раз вызывало колоссальную нагрузку на городской бюджет — создание специальных отделов, распределительных пунктов со специальными штатами служащих, многомесячную работу по изготовлению и раздаче карточек, расходы на их изготовление и заработную плату служащих.

Ключевые слова: дефицит, дороговизна, продовольственный кризис, Гражданская война, продовольственные карточки, городское самоуправление, профсоюзы, Владивосток

The food crisis in Vladivostok during the Civil War and the activities of the municipality on the introduction of food cards.

Tatiana Poznyak, Institute of History, Archaeology, and Ethnology of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tzpoznyak@mail.ru.

The article is devoted to the struggle of the regional administration and the Vladivostok city self-government with the scarcity and high cost of food and commodities in Vladivostok, 1919-1920. In the period of acute crisis of supply, local self-government was forced to go to extreme measures — to introduce a card product distribution. The City Duma accepted the similar decision every year since 1916. The author examines two cases of injection in Vladivostok rationing of food and goods of prime necessity — in 1919 and 1920. The introduction of food cards was accompanied by problems both times. The first time it was complicated by the long process of transferring the food deal to the city from the Authorized Minister of supply and food, the second — by the desire of the Financial And Economic Council to exclude the non-working population and foreigners from the food supply system by cards, that caused protests of the population and the consular corps. The city Duma softened the radical option by

introducing cards of three categories, but this decision caused protests of the population and the consular corps as discriminating against foreigners and residents of the city who were not members of trade unions. Despite the protests and the obvious contradiction to the current City Regulations of 1917, the food card system was preserved. The introduction of the food card caused a huge burden on the city budget — the creation of card departments, distribution points with special staff, many months of work on the production and distribution of cards, the cost of their production and wages of employees.

Keywords: deficit, high cost, food crisis, Civil War, food cards, municipality, trade unions, Vladivostok.

Дороговизна и дефицит продовольствия и товаров первой необходимости стали одной из главных социальных проблем в годы Первой мировой войны, Революция и начало Гражданской войны только усугубили хозяйственную разруху и усилили инфляцию. Во Владивостоке продовольственная проблема в годы Гражданской войны не стояла столь же остро как на Урале и в Европейской части страны, но городу часто из-за перебоев железнодорожного сообщения, экономической блокады угрожал продовольственный или топливный «голод». Борьба с дефицитом и дороговизной, кроме финансовых и экономических неурядиц — обесценения рубля из-за безудержной денежной эмиссии, падения производства, нежелания крестьян продавать плоды своего труда на бумажные рубли, спекуляции, транспортных коллапсов, осложнялась тем, что каждый переворот и смена власти приводили к изменению законодательных норм и реформам продовольственных органов. Основными путями решения проблемы в городе в годы Гражданской войны были установление «твёрдых» цен, закупки продовольственными органами товаров и реализация их через городские и кооперативные лавки; в случае возникновения угрозы голода вводились карточки, такие ситуации в городе возникали ежегодно, начиная с 1916 г. [6, с. 177—194].

Данная статья посвящена двум случаям введения во Владивостоке карточной системы распределения продуктов и товаров первой необходимости — в 1919 и 1920 гг.

За этот период в городе произошли две реорганизации продовольственного дела. Первый раз — осенью 1918 г. с приходом к власти Колчаковского правительства на всей подведомственной территории продовольственное дело перешло от земства и городского самоуправления к Министерству снабжения и продовольствия. В Приморской области и Владивостоке оно было передано Особоуполномоченному Министерства снабжения и продовольствия, в его ведение передавались как закупка продовольствия и товаров первой необходимости, так и городские продовольственные лавки. Эти меры были нацелены на наполнение потребительского рынка, создание конкуренции частной торговле для сдерживания роста цен, обеспечения беднейшего населения города, а главной заботой уполномоченного были заготовки зерна и муки. Второй раз — после переворота 30—31 января 1920 г. и прихода к власти Временного правительства Приморской областной земской управы (ВП ПОЗУ, с 31 марта 1920 г. ВПДВ ПОЗУ), в апреле 1920 г. дела всех предшествовавших продовольственных органов в области принял Ликвидационный отдел ВПДВ ПОЗУ, и продовольственным делом стало ведать Управление продовольствия и снабжения и созданная при нём Коллегия по продовольственным делам [РГИА ДВ. Ф. Р-737. Оп. 1. Д. 1. Л. 60—63].

Правительство Колчака 10 декабря 1918 г. ввело свободную торговлю на подведомственной территории, во Владивостоке, несмотря на развитие частной, по большей части китайской и японской торговли, положение на рынке оставалось катастрофическим, цены стремительно росли, беднейшее население недоедало, даже зажиточные слои городского населения страдали от периодически возникавшего дефицита товаров.

На торговцев со всех сторон сыпались обвинения в спекуляции, в борьбе с ней не помогало усиление контроля и ужесточение наказаний, региональные власти издавали

постановление за постановлением, пытаюсь справиться с проблемой. В постановлении Управляющего Приморской областью М.М. Эверсмана от 30 июля 1919 г. констатировалось, что, несмотря на ужесточение наказаний, «...дороговизна на все жизненные припасы и предметы первой необходимости и домашнего обихода увеличивается с каждым днём и цены на всё растут ежедневно в таких размерах, которые не могут быть оправданы ни падением курса нашего рубля, ни расстройством транспорта, ни другими какими-либо уважительными причинами», и вводились очередные жёсткие меры против спекуляции [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 847. Л. 243].

Наряду с правительственными структурами каждый раз со сменой власти происходили перевыборы городской думы и управы и реформирование городских продовольственных органов. 26 мая 1919 г. во Владивостоке был образован городской Комитет по борьбе с дороговизной и спекуляцией, переименованный в июле в городской Продовольственный Комитет. Основными мерами противодействия дороговизне и дефициту товаров были объявлены «...разумная организация продажи населению предметов питания и первой необходимости по ценам себестоимости с незначительной надбавкой, необходимой для организационных и других расходов» и установление контроля над торговлей предметами питания и первой необходимости [1, с. 162—163]. Однако эффективной работе мешало отсутствие у города средств на закупки и лавок для реализации товаров.

Взаимодействие и разграничение функций разных продовольственных органов упиралось в одновременное действие разновременных законов, регулировавших продовольственное дело. Законом от 25 марта 1917 г. заведение продовольственным делом на местах было возложено на областные и уездные Продовольственные Комитеты, а всем продовольственным делом ведало Министерство Продовольствия. Закон содержал указание, что на Комитеты это дело возлагается до формирования земских учреждений. Законом Сибирского Правительства 6 июля 1918 г. Продовольственные Комитета были упразднены, а все их дела и кредиты были переданы Уполномоченным Министерства снабжения и продовольствия. При этом, продолжавшим действовать Положением о земских и городских самоуправлениях, именно на последние было возложено попечение о продовольствии населения, но финансов ни земским, ни городским самоуправлениям Приморской области и Владивостока правительство не выделяло, без них же выполнять эти обязанности в области, где хлеб и другие продукты более чем на половину ввозились из-за границы, было невозможно [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 35—35 об.]. В этих условиях, когда осенью 1919 г. возник острый кризис снабжения города продовольствием и товарами первой необходимости, городское самоуправление не могло ввести карточки, ибо закупки товаров и лавки были вне его компетенции. По мнению города и земства, Особоуполномоченный министра не справлялся с возложенными на него обязанностями: товары закупались и распределялись «неравномерно, случайно, без нормировки потребления» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 35 об.—36]. Уже летом 1919 г. городское самоуправление стало настаивать на передаче ему продовольственного дела. Городской продовольственный Комитет с 17 июля по 1 сентября 1919 г. собирался восемь раз для обсуждения вопроса о передаче городу лавок и закупок продовольствия, подавал соответствующие ходатайства. По словам городского головы, уполномоченный министерства не шёл навстречу городскому самоуправлению [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 30—31].

25 сентября Городская дума приняла решение о необходимости приёма продовольственного дела в свои руки при условии передачи городу всех сделанных заготовок и наличных продуктов и вместе с тем испросить на дело продовольствия правительственную ссуду в размере 35 млн руб., требуемая ссуда вскоре выросла до

70 млн [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 37—40]. В ожидании реформы в начале октября был создан соответствующий отдел управы. 16 октября 1919 г. дума создала Продовольственную Комиссию и Городской Отдел продовольствия и снабжения, его заведующим и членом управы избрала А.М. Перевощикова.

Однако вопрос погряз в долгих согласованиях и многочисленных совещаниях, решение его задерживалось из-за явного нежелания Уполномоченного министра снабжения и продовольствия, а по выявленным материалам невозможно достоверно судить, было ли оно вызвано стремлением сохранить властные полномочия и ресурсы за собой или за этим скрывались корыстные интересы — возможность присвоения казённых средств или желание скрыть растраты. Вопрос обсуждался на трёх совещаниях под председательством Управляющего Приморской областью М.М. Эверсмана — 8, 11 и 14 ноября, двух заседаниях городской Продовольственной комиссии — 3 и 12 ноября, и, наконец, 21 ноября — на совместном заседании Комиссии о передаче продовольственного дела с участием представителей города, земства и министерства снабжения и продовольствия. Все совещания неизменно приходили к выводу о невозможности Министерству снабжения и продовольствия справиться с делом без участия земских и городских самоуправлений [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 35—40, 42—42 об., 86].

В ноябре 1919 г. в городе сложилась критическая ситуация с хлебом, запасов муки и пшеницы на мельнице Министерства (24 220 пудов муки, 66 000 пудов пшеницы) при ежедневной норме отпуска пекарям города до 4500 пудов муки могло хватить только на 16—18 дней. С конца ноября Министерство подняло цену на муку с 600 руб. за пятипудовый мешок сеянки до 1050 руб., а городская Продовольственная комиссия на совещании с пекарями выработала таксу на хлеб из сеянки 6 руб. 20 коп. за фунт, чёрный — 5 руб. 50 коп. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 58—59]. Для сравнения стоимость пуда муки 1—5 сорта в июле 1914 г. составляла от 1,20 до 2,20 руб., в июле 1915 г. — от 1,60 до 2,85 руб., в январе 1916 г. — 2,50—3,50 руб., в декабре 1918 г. — от 6 до 21 руб., мука отсевная в частности — 11,50 руб. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 28, 510; 2, 1919, 12 янв.]. Таким образом, сеянка выросла в цене только за последний год в 18 раз. Фунт печёного хлеба в 1915 г. по таксе стоил от 4 коп. за чёрный до 6 коп. за белый, в марте 1917 г. — от 8 до 10 коп. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 504; 2, 1917, 2 марта], а такса на фунт чёрного печёного хлеба в ноябре 1919 г. в сравнении с таксой на этот же хлеб в марте 1917 г. выросла почти в 70 раз.

В условиях дефицита муки и хлеба на потребительском рынке городская Продовольственная комиссия усилила контроль над хлебопекарнями, опасаясь, что часть муки уходит налево. 10 декабря она постановила увеличить число контролёров, пригласив представителей союзов городских и земских служащих, а также вменить в обязанность владельцам хлебопекарен вести книги прихода и расхода хлеба, а после введения карточной системы прекратить отпуск муки китайским хлебопекарням, увеличив число городских пунктов продажи хлеба [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 91]. Катастрофическое состояние продовольственного рынка в городе осложнялось действиями вооружённых отрядов: атаман Калмыков запретил ввоз во Владивосток из области продуктов питания, а генерал-майор Смирнов «реквизировал» проходящие мимо Николаевка-Уссурийского эшелоны с продуктами [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 58—59].

Фактически предваряя приём продовольственного дела, А.М. Перевощиков наметил и стал реализовывать целый комплекс мер, одной из них было введение карточной системы. 12 ноября он доложил Продовольственной комиссии о необходимости ввести карточки на хлеб, муку, мясо, жиры, сахар и крупы без запрещения свободной торговли теми же продуктами, а 24 ноября доложил об этом

городской думе. В его докладе было отмечено: «Одним из главных мотивов введения карточной системы является то, что продовольственный кризис не уменьшается, а наоборот даже страшно увеличивается и мы, несомненно, должны подготовить себя, если не к голоду, то безусловному общему воздержанию, каковое возможно только при равномерном распределении продуктов по карточкам...». По справке адресного стола на 20 ноября 1919 г. во Владивостоке числилось русского населения 193 181 чел. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 56—56 об., 86 об.]. Перевощиков предложил наряду с выпуском 100 тыс. новых карточек использовать старые — около 40 тыс., оставшиеся неиспользованными от прежнего городского самоуправления. Для выпуска новых карточек требовалось 500 тыс. руб. Дума согласилась с его предложением. На этом же заседании гласные приняли резолюцию о необходимости передачи продовольственного дела от Министерства городу вместе с товарами, лавками, кредитами в срочном порядке [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 72 об. — 73].

26 ноября Продовольственная комиссия определила порядок выдачи карточек и разработала проект постановления, который был отправлен Управляющему областью на утверждение. Согласно постановлению, Владивосток и его окрестности разбивались на районы, в каждом районе устраивалось несколько пунктов для выдачи карточек, которую планировали начать 16 декабря. Карточка выдавалась на одно лицо и была рассчитана на пользование ею в течение трёх месяцев, детям до 5-ти лет выдавались цветные карточки. Все домовладельцы Владивостока или лица их заменяющие обязаны были сделать подробные выписки в двух экземплярах из домовой книги всех жильцов с указанием подданства и с добавлением малолетних детей с указанием возраста, подписать и предоставить с приложением домовой книги в свой район. После выписки карточек домовладелец обязан был получить их все на данное владение и раздать своим жильцам своевременно под расписку на втором экземпляре выписки, которую представить в Продовольственный отдел.

Домовладельцы должны были опросить жильцов о наличии карточек, выданных в 1918 г. Приморской областной продовольственной управой, те, у кого они были, за их стоимость не платили, эти карточки заверялись печатью управы, без которой были недействительны. Стоимость новых карточек определялась в три рубля, хотя изготовление их обходилось в пять рублей. Их было решено выдавать только русским подданным, из списков исключались также лица, состоявшие на интендантском довольствии.

12 декабря Продовольственная комиссия решила выдачу карточек производить в школах и в продовольственных лавках и «...установить следующий размер оплаты труда по их выдаче: для заведующих пунктами при работе 3 часа в день — 2500 руб., при работе 6 час. — 4000 руб. за все время работы с 15-го декабря 1919 г. по 6-е января 1920 г.; переписчикам выдавать по 30 руб. за каждый час фактической работы», и постановила представить Коменданту Крепости на утверждение и для опубликования проект Обязательного Постановления о введении карточной системы [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 72 об. — 73]. 15 декабря Комендант крепости полковник Томилко его издал [З, 1919, 17 дек.; 4, с. 31].

В этот же день открыли распределительные пункты, где сначала выдали 35 000 карточек старой заготовки, параллельно изготавливалось ещё 60 000 новых для раздачи в январе [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 86—88]. 29 декабря 1919 г. Продовольственная комиссия постановила с начала января распределять сахар «...исключительно ...по карточкам через свои лавки и при помощи привлечения к этому делу аппарата местных кооперативных лавок», норма отпуска составляла по 2 фунта на человека [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 103—103 об.].

В Карточном подотделе в начале 1920 г. трудились 17 чел., из них — один заведующий, его помощник, два журналиста, три — в статистике и восемь — на выписке карточек. Новые карточки начали выписывать 10 января 1919 г., с 10 по 31 января выписана 10541 карточка, с 1 по 22 февраля — ещё 6921 карточка. Кроме выписки карточек служащие разбирали талоны на отпущенные из лавок сахар и мыло. В начале 1920 г. отдел заготовил и до конца февраля раздал около 50 тыс. карточек [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 86—88].

Детальные сведения о работе карточного подотдела вряд ли смогли стать достоянием истории, если бы не конфликт заведующего карточным подотделом продовольственного отдела (а затем заведующего подотделом статистики) Николая Владимировича Ленге со служащими своего отдела. В результате конфликта он оказался уволенным без выплаты заштатного пособия, и до лета 1920 г. писал многочисленные жалобы в разные инстанции о несправедливости, допущенной в отношении его, и огромной работы, проделанной под его руководством. Его прошения представляют пример самопрезентации «маленького человека» в качестве деятельного работника, внутренних конфликтов в среде городских служащих, психологической обстановки и использования политических обвинений в деле защиты собственных прав, а также содержат информацию о колоссальной работе, проведённой карточным подотделом в кратчайшие сроки.

По словам Н.В. Ленге, старые карточки находились «в хаотическом состоянии», работу по подготовке карточек (разборка, нумерация, опечатание, подсчёт) ежедневно выполняли 10 служащих, работавших с 9 час. утра до 9 час. вечера. Когда же «утомлённые служащие расходились», Ленге со сторожами Чиняец, Вучко и Котляренко «...продолжали работать до 11—12 часов ночи, стараясь достичь максимума заготовленных карточек, чтобы таким образом предотвратить остановку деятельности пунктов». Говоря о своём вкладе в дело обеспечения карточками населения, он писал: «Не за страх, а за совесть работал я на пользу населения. Был период времени, когда я проводил в Отделе буквально целые дни и ночи, отработав до 11—12 ч. ночи, тут же и ночевал, подостлав грязный мешок, а вместо подушки — сотню продовольственных карточек. С открытием 24 пунктов моей обязанностью явилось систематическое снабжение их всем необходимым и инструктирование; работа отнимала много времени и требовала огромной подвижности (все время на ногах), а также инициативы, ибо никакими инструкциями своей деятельности я снабжен не был; на пунктах возникало много вопросов, не предусмотренных наспех составленной «Инструкцией» заведующим пунктами, которые разрешал я единолично, не затрудняя А.М. Перевозицкова, который просил меня: “так как я занят своими делами, то возьмите на себя разрешение всяких вопросов”» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 87—87 об.].

Однако вернемся немного назад, введение карточной системы стало возможным только благодаря тому, что продовольственное дело в середине декабря наконец-то было передано городу. 12 декабря 1919 г. последовал Приказ Командующего войсками Приамурского военного округа и Главного Начальника Приамурского края (по гражданской части) № 149/79: «В силу решения Временного Областного Междуведомственного совещания по продовольствию населения Приморской Области от 29 ноября с.г. о передаче продовольствия населения города Владивостока Городскому Самоуправлению и телеграммы Министра Снабжения и Продовольствия от 10 сего декабря за № 92 о согласии на эту передачу на условиях, выработанных вышеназванным Совещанием, — приказываю: все продовольственное дело по г. Владивостоку с 20 сего декабря передать от Особоуполномоченного Министра Снабжения и Продовольствия Владивостокскому Городскому Самоуправлению с передачей ему всех наличных товаров по себестоимости в кредит на общую сумму до

25 000 000 руб. Впредь же до получения городом ссуды от Правительства в 10 000 000 руб., выдать ему заимообразно на операционные расходы по данному делу необходимую на первое время сумму по соглашению с Городским Головой» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 28, 29].

Городская продовольственная комиссия ещё 12 ноября назначила приём лавок на 21, 22, 23 ноября, однако из-за бюрократической волокиты окончательно порядок передачи лавок и товаров был определён комиссией только 20 и 23 декабря 1919 г., после вышеназванного приказа от 12 декабря, тогда же были избраны три комиссии для приёма лавок и товаров. Приём был назначен на 24 декабря, и в его ходе выяснилось, что «...во всех 11 лавках, вопреки уверениям Особоуполномоченного, товаров не оказалось совершенно». 24 же декабря Продовольственная комиссия, «...констатируя полную невозможность продолжать торговлю из пустых лавок, постановила — все продовольственные лавки закрыть до окончания приёма всех товаров от Особоуполномоченного Министерства Снабжения и Продовольствия и до тех пор пока представится возможным снабдить их продуктами для продажи населению и по заранее выработанному Комиссией плану» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 86, 95—97, 99].

В то время как в декабре 1919 г. положение с продовольствием и углем изменилось в худшую сторону, министерство оставило городу пустые лавки и почти пустые склады, часть товаров Особоуполномоченный министерства передал городу по явно завышенным ценам. В частной торговле также цены стремительно росли, местные газеты писали, что цены на продукты растут, несмотря на некоторое понижение курса иены в ноябре 1919 г.: «Из этого видно, что курсы только предлог для взвинчивания цен, и если он даже благоприятен для нас, то спекулянты с ним не считаются и взвинчивают цены» [4, с. 29; 7, 1919, 21 нояб.].

Городская Продовольственная комиссия не успела, да и не могла сделать массовых закупок продовольствия и товаров первой необходимости из-за периодически возникавших транспортных коллапсов и резкого падения курса рубля, делавшего невозможным закупки в Маньчжурии, хотя предпринимала немало мер для исправления критической ситуации: провела ревизию лавок и складов, приняла от министерства товары, начала закупки, устанавливала цены на продукты для реализации через продовольственные лавки. Городские продовольственные лавки открылись с 15 января 1920 г., в них продавался ограниченный круг товаров, остальных в наличии не было [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 110] (см. табл. 1).

Таблица 1

**Перечень товаров, отпускаемых из городских продовольственных лавок,
и нормы отпуска (с 15 января 1920 г.)**

Товар	Ед. изм.	Цена (руб.)	Отпускаемое количество в 1 руки, не более
Кофе молотый	банка	40	1
Кофе зернами	фунт	30	2
Лук	фунт	12,50	10
Соль мелкая	фунт	3,50	5
Спички	пачка	7	1
Мыло	фунт	35	1
Чай	фунт	30	1
Керосин	фунт	25	10
Варенье	банка	100	2 ф. или 1 банка
Перец	фунт	10	½
Брусника	фунт	15	неограниченно
Соленая рыба пласт	фунт	15	неограниченно
Соленая рыба колодка	фунт	18	неограниченно

Источник: [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 916. Л. 110—110 об.]

В конце января в городе произошёл очередной переворот и к власти пришло ВП ПОЗУ, до апреля 1920 г. в городе продолжала работать прежняя дума и управа, а 28 марта произошли очередные выборы, 6 апреля состоялось первое экстренное заседание новой думы, а 12 апреля — первое рабочее, 16 апреля приступил к работе новый состав управы [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 977. Л. 1, 16].

В январе—апреле 1920 г. в городе отдельные продукты распределялись по карточкам, выданным старой управой в декабре 1919 — январе—апреле 1920 г. Однако положение с закупками товаров оставалось настолько напряжённым, что город не был обеспечен даже основными продуктами: к концу апреля муки оставалось до 1 мая, а других продуктов — на две недели, максимум месяц. Распределение товаров осуществлялось через 12 лавок — городских и кооперативных, управа зарегистрировала 61 хлебопекарню, через которые происходила продажа хлеба и которые строго контролировались. Контрольным подотделом были выявлены и пресечены злоупотребления хлебопексов [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 55—55 об.]. Частная торговля продолжала торговать по свободным ценам, которые, однако, были не по карману большей части горожан.

С переходом дела управления городским хозяйством к новому составу думы и управы произошли изменения в организации продовольственного дела. С этого момента профсоюзы не только принимали активное участие в обсуждении и принятии решений, но и оказывали давление на руководство отдела и политику в деле снабжения населения. На совместном совещании городского Продовольственного отдела и профсоюзов 23 апреля 1920 г. под председательством заведующего контрольным подотделом управы большевика В.С. Космарева (см. табл. 2) обсуждался его доклад о состоянии продовольственного дела и введении карточной системы. Он предложил от всеобщей карточной системы перейти к обеспечению продовольствием по карточкам только членов профессиональных союзов и их семей, исключив остальное население города, включая иностранных подданных [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 55—56 об.].

Таблица 2

**Состав совещания представителей продовольственного отдела и профсоюзов
23 апреля 1920 г.**

Организация, наименование профсоюза	ФИО
От продовольственного отдела — заведующий Контрольным Подотделом	В.С. Космарев
Заведующий подотделом топлива	В.А. Тимофеев
От профессиональных союзов:	
Торгово-промышленных служащих	А.А. Оленич
Учительского союза	С.И. Лобанов, Д. Леляков
Союза врачей	Т.Н. Беляев
Союза зубных врачей	К.Д. Бездетнов
Служащих городской милиции	А.Г. Панасюк
Индустриального союза по грузовым работам	И. Зазнобин
Владивостокского порта	Т. Белоусов
Союза служащих Владивостокской таможни	М.П. Миленевский
Служащих Владивостокского таможенного инспекторства	К.П. Сакун
Профессионального союза грузчиков	Б.Э. Бендецкий
Служащих Владивостокского городского трамвая	Ф.Ф. Бацак
Технического профессионального союза	А.И. Трусевич
Почтово-телеграфного союза	Г.С. Филипов
Общества потребителей Владивостокских Вагоносборочных мастерских	Л.М. Бурдаков
Союза по обработке рыбных продуктов	Мусорин
Индустриального союза тружеников морского транспорта на ДВ	И.Г. Фяскин
Союза металлистов	К.В. Шевченко
Трудового союза служащих Правительственных и Общественных учреждений и торгово- промышленных предприятий	Полетаев, Кудрявцов, Иванов
Служащих особого отдела по охране транзитных грузов при штабе Владивостокской крепости	В.И. Куликов
Труда ломового извоза	Т.М. Щелоков
Индустриального союза строительных рабочих г. Владивостока	Е.А. Юрасов
Рабочих печатного дела	Я.С. Дунаев
Инвалидов чистильщиков обуви	И.Д. Трекунов
Служащих учреждений Государственного контроля	Г.Ф. Нестерюк
Грузчиков района и окрестностей Владивостока	Д.З. Захаров
Фельдшерско-акушерского общества	М.С. Суслов
Служащих мельницы Русско-мукомольного товарищества	И.А. Панюшкин
Союза по обработке пищевых продуктов	С. Лесин
Союза домашней прислуги	Полищук
Секретариата союза Приамурских кооперативов	М. Бельш

Источник: [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 55—55 об.]

Доклад вызвал у представителей профсоюзов многочисленные вопросы: они касались установления рабочего контроля за распределением продуктов, численности трудящихся, охваченных профсоюзами, обеспечения продуктами трудящихся, не входивших ни в какие союзы. Космарев ответил, что статистические данные не собрали ввиду непредоставления сведений профсоюзами, последние будут привлечены к контролю продовольственного дела, «все трудящиеся должны быть зарегистрированы в союзы», «...местное китайское общество будет заботиться о своих земляках. Китайцы члены союзов продуктов не получают». Он также выразил оптимизм относительно перспектив будущего продовольственного дела: «...в ближайшем будущем угрожающего положения не предвидится» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 56 об. — 57].

Мнения представителей профсоюзов относительно новой карточной системы разделились, одни — категорически возражали против исключения из карточной системы китайцев и корейцев — членов профсоюзов, другие — что в результате нововведения пострадает «...беднейшее население окраин, которое живёт не постоянной работой, а случайной, а потому не состоит и в союзах», третьи — обеими руками поддерживали систему, четвёртые, — сомневались в возможности её существования в условиях зависимости от иностранных рынков и острой нехватки продуктов, пятые — опасались нарушений при выдаче карточек, которые могут попасть не в те руки, и требовали жёсткого рабочего контроля [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 57—58]. Представители Союза ломового извоза (Т.М. Щелоков) и Общества потребителей Владивостокских мастерских и Союза временных мастерских (Л.М. Бурдаков), протестуя против отказа в выдаче карточек членам союзов китайцам и корейцам, заявили: «В виду того, что русская революция кличет трудящихся всего мира, а между тем продовольственная организация лишает их права получения продуктов, мы протестуем против такого постановления» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 59].

Однако Космарев категорически не хотел слышать критики новой системы, которая была разработана им, Тимофеевым и Горсткиным и вводилась с ведома Финансово-Экономического Совета (ФЭС). Он требовал, чтобы безработные трудящиеся записались в союзы, указал на невозможность ввести рабочий контроль во всем объёме и потому необходимо заменить его общественным, а также очередной раз выразил необоснованный оптимизм: «...Опасаться нечего. Мы облегчаем положение, созданное интервентами». «...Положение в будущем не так мрачно, как это рисуется некоторыми: мука будет, опасаться нечего» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 58 об.].

В результате проект постановления был принят большинством голосов при одном «против» и одном «воздержавшемся»: «В целях облегчения жизненных условий трудящихся города совещание представителей профессиональных союзов с участием представителей Продовольственного Отдела Владивостокской Городской Управы находит необходимым производить отпуск предметов первой необходимости по карточкам только членам профессиональных союзов и их семьям русскоподданным. Эта мера является мощным орудием для борьбы со всевозрастающей дороговизной и должна прекратить возрастание прожиточного минимума, т.к. в данное время увеличение прожиточного минимума не достигает цели, ибо все прибавки уходят на оплату ненасытных appetitов своры разного рода спекулянтов. Для достижения этого совещание находит необходимым: 1) Каждый профессиональный союз выдаёт своим членам и их семьям продовольственные карточки. Все профессиональные союзы в течение 5-ти дней с сего числа представляют списки членов союзов и их семейств с указанием их адресов, получают карточки и выдают их. Все карточки, выданные до 1-го мая, считать недействительными и выдачу продуктов по ним прекратить. Штемпелевание карточек производится в профессиональных союзах. 2) В Городских продовольственных лавках отпуск мяса, сахара, муки производится по установленным

ценам исключительно по карточкам, выданным правлениями профессиональных союзов. 3) Весь город разбивается на районы, в каждом из которых открывается ряд распределительных пунктов и к распределению привлекается кооперация. 4) В этих пунктах будет отпускаться печёный чёрный и полубелый хлеб также только членам профессиональных союзов и их семьям по тем же карточкам. Примечание: получившие муку не могут получать хлеб. 5) В целях планомерного снабжения и распределения хлеба, нижеперечисленные пекарни берутся на учёт и поступают в распоряжение Продовольственного отдела Городской управы, который отпускает им необходимое количество муки для выпечки хлеба и контролирует выпечку и распределение хлеба. 6) Частные пекарни, не взятые на учёт, контролю Продовольственного отдела не подлежат и отпуск муки Продовольственным отделом им не производится. 7) Все несостоящие членами профессиональных союзов не могут получать нормированные продукты из городских лавок и распределительных пунктов, кроме беднейшего населения, которое может получать карточки из Продовольственного отдела, по обследовании соответствующими комиссиями» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 58 об. — 59 об.].

Единственной значительной поправкой к тексту резолюции Космарева было включение последнего пункта. Фактически он продавил «левый», весьма радикальный вариант карточной системы, резко ограничивший в правах на продовольственное обеспечение население города, не состоявшее в профсоюзах, и большинство членов совещания, несмотря на явные сомнения, его поддержало. Среди руководителей профсоюзов, участвовавших в совещании, вероятно, большинство было настроено левацки и считало справедливым ограничение в правах социально чуждых категорий населения, либо они, боясь быть обвинёнными в предательстве интересов трудящихся, следовали за большевиками и не могли голосовать против предлагаемых ими решений.

29 апреля 1920 г. дума избрала Городскую продовольственную комиссию в составе Н.Х. Денисенко, В.Г. Антонова, С.Н. Тукич, Д.А. Тимофеева, А.И. Савельева, М.Р. Шапошникова, Е.А. Трупп и Салтыкова [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 977. Л. 34, 55 об.]. 1 мая 1920 г. член управы Б.М. Берлацкий принял заведование продовольственным отделом.

7 мая состоялось первое заседание Продовольственной Комиссии под председательством Городского головы Б.А. Косминского, на котором присутствовали члены управы — В.М. Берлацкий, Е.К. Ковальчук, Макаров, Старожилов, от союза Приамурских кооперативов — Д.И. Соловьев, А.А. Горсткин, потребительского общества «Экономист» — Артемьев, Городской думы — Савельев, Салтыков, Тукич, Шапошников, Тимофеев, от ЦБ профсоюзов — В.С. Космарев, от ПОЗУ — Бабков, Биржевого комитета — Таубе, коллектива сотрудников Прототдела — И.А. Кислицын.

В.М. Берлацкий доложил, что товары и валюта на их закупку у города отсутствуют, у Министерства продовольствия — такая же ситуация, имевшиеся в продаже товары — «чрезвычайно дороги» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 62—62 об.]. Он сообщил о принятом в конце марта Постановлении Бюро ФЭС о выдаче продуктов по карточкам только членам профсоюзов и их семьям, а также о постановлениях Продовольственной Комиссии старого состава 9 апреля и совещания представителей профсоюзов 23 апреля о согласии с этим мнением Бюро. Берлацкий же настаивал на необходимости смягчения предложенного жёсткого варианта и что решение в этом вопросе должна принимать дума. По его мнению, в городе должна быть введена общегражданская продовольственная карточка для всего населения и особая трудовая для членов профсоюзов. По первой получали бы определённую норму все граждане, взятые на учёт, по второй — увеличенный продовольственный паёк члены профсоюза, «...как лица, занимающиеся тяжёлым, полутяжёлым и даже лёгким, но общепольным трудом»;

в случае же недостаточности продуктов — нормированные продукты выдавались бы только по трудовым карточкам. Детей необходимо было обеспечивать в первую очередь и по особым карточкам. С ним согласился Д.И. Соловьев, выразив надежду, что «настоящий трудный момент» скоро закончится: «...в Маньчжурии есть все необходимые продукты в огромном количестве и их можно оттуда достать» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 62—63]. В.С. Космарев, инициировавший положение о карточной системе Бюро ФЭС, категорически настаивал, что «...члены настоящей Городской Думы избраны трудовым населением города и, потому, должны заботиться, в первую очередь, только об удовлетворении нужд и защите интересов избравших их, представителями и защитниками которых они являются в думе» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 63—64].

Члены Продовольственной комиссии разделились на два противоположных лагеря, одни яростно защищали систему ФЭС, другие упирали на невозможность учесть всех трудящихся граждан и несправедливость деления населения на трудящееся и нетрудящееся. Например, Салтыков считал невозможным «...определить точно: кто трудящийся и [кто] праздный, биржевой маклер — тоже трудящийся. Во Владивостоке почти нет живущих на проценты своего капитала» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 63 об.]. И.А. Кислицин, напротив, указал, «...что по его наблюдению в хвосте у продовольственных лавок стоят преимущественно не трудящиеся, а свободные от труда. Эти люди собирают продовольственные книжки у друзей, знакомых и просто соседей, получают по ним продуктов несравненно больше того, что им должно быть выдано по их личным книжкам и полученные таким путём излишки продуктов перепродают частным торговцам с большой наживой. Действительные труженики не имеют времени выстаивать в очередях: они заняты целыми днями на месте своего труда» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 64].

Участники заседания, разбив постановление на два пункта, небольшим перевесом голосов (8 — «за», 6 — «против») решили выдать карточки только некоторым группам населения, однако, при этом, отклонив карточную систему Бюро ФЭС (8 — «за», 6 — «воздержались»). В результате постановление вышло невнятное, половинчатое: «Выдавать продовольственные карточки всем гражданам занятым общепользным трудом независимо от их экономического и общественного положения, принимая за основание членов профессиональных союзов и их семейств» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 62 об., 64 об. — 65].

Кроме главного вопроса, заседание решило целый ряд организационных — продовольственному отделу разрешили произвести необходимые расходы по напечатанию и проведению в жизнь карточной системы, избрали заместителем заведующего продовольственным отделом Космарева, предоставили члену управы право производить закупки товаров на сумму до 500 000 руб., просили продовольственный отдел разработать план открытия новых лавок и распределительных пунктов, а пока открыть продуктовые лавки в Голубиной пади и на Второй речке, а главное — повысили цены на некоторые продукты в городских продовольственных лавках на 100% с 1 мая. По словам Берлацкого, низкие цены в городских лавках в сравнении с кооперативными и рыночными ценами, давали «...возможность спекулировать на них, покупая и продавая наши продукты в четыре раза дороже в руки частных торговцев, а также ввиду недопустимой убыточности цен для города» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 65—66 об.].

10 мая 1920 г. вопрос о введении карточной системы рассматривала дума. Докладчик В.М. Берлацкий предложил ввести три категории карточек, с выдачей двукратной нормы по трудовым, и полного отказа от обеспечения по общегражданским в случае отсутствия товаров. П.З. Подгорбунский и А.И. Лякер категорически возражали против дискриминации и деления населения на трудовое и остальное, и предлагали

расширить закупки продовольствия, чтобы его хватало на всех, но большинство отклонило их предложения. Большевик М.И. Губельман наотрез отказывался идти на уступки и настаивал на выделении рабочих и детей «в особые группы», которые «должны получать продовольствие по особым карточкам». В.С. Космарев указывал, «...что благодаря создавшемуся политическому положению в городе очутилось до 50—60 тысяч спекулянтов, которые совершенно не нуждаются ни в каких карточках и заботиться о них городу нечего» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 68].

После бурного обсуждения дума большинством голосов приняла предложение управы, изложенное Берлацким: «В целях справедливого распределения продуктов первой необходимости среди российского населения г. Владивостока и борьбы с непомерно возрастающей дороговизной на продукты первой необходимости хлеб, мясо, жиры, сахар и т.д. вводятся продовольственные карточки, по которым население из городских продовольственных, а также кооперативных и частных лавок, работающих в таких случаях под контролем Городского Продовольственного Отдела — будут отпускаться продукты. 1. Продовольственные карточки вводятся тройного рода: а) общегражданские, по которым все граждане, взятые на учёт Городским Продовольственным Отделом, будут иметь право получать продукты, б) трудовые, по которым члены ПС будут получать продовольственный паек в двойном размере и в) детские. 2) В тех случаях, когда у Городской Продовольственной организации продуктов будет недостаточное количество — продукты выдаются только по детским и трудовым карточкам. 3) В целях спешного введения продовольственных карточек — Продовольственный Отдел выдачу трудовых карточек производит через Профессиональные Союзы, для раздачи же общегражданских — Городская Управа призывает население организоваться в квартальные продовольственные комитеты, для чего Продовольственный Отдел разбивает город на продовольственные участки в зависимости от плотности населения в отдельных участках» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 68 об.].

Несмотря на давление большевиков, дума не пошла на принятие леворадикального варианта карточной системы, однако все же сохранила дискриминацию населения, не объединённого в профсоюзы, а также иностранцев, хотя большевики и их сторонники составляли большинство в думе. По оценкам советской историографии, большевики на выборах в думу взяли 84% голосов [5, с. 113], однако эти оценки, вероятно, несколько завышены. Такое противостояние В.С. Космареву было удивительным. По большинству обсуждаемых вопросов в думе чаще проходили резолюции, предложенные большевиками. Свообразным застрельщиком в думе выступал гласный большевик А.С. Якум, вносящий какое-либо предложение, которое затем, как правило, принималось большинством голосов, голосовавшая против немногочисленная оппозиция обычно не могла переломить ситуацию [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 977. Л. 114—114 об.; Д. 988. Л. 48—50 об.].

11 мая 1920 г. совещание при Продовольственном отделе управы обсудило механизм введения карточной системы. Уже готовые карточки старого образца решили выдавать членам профсоюзов с правом получения по ним двойного пайка; каждому члену союза одновременно для членов семьи выдавать общегражданские карточки. Все старые карточки «во избежание злоупотреблений ...проштемпелевать». Детям решили выдавать цветные карточки старого образца, а также заказать новые общегражданские карточки на три месяца в количестве 150 000 шт., и после готовности выдать их [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 61—61 об.].

Карточки трёх категорий ввели в действие с 21 июня 1920 г. [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 96], а в середине июля посыпались массовые протесты против дискриминации со стороны иностранных подданных и населения города, не состоявшего

в профсоюзах. Несмотря на то, что инициатива лишения иностранцев права получать продукты по карточкам исходила именно от правительственных структур, и в частности ФЭС, именно государственные учреждения начали предъявлять претензии к городской думе за введение карточек трёх категорий. 8 июля 1920 г. Управляющий Иностранными делами сообщил Управляющему делами продовольствия и снабжения об обращении консульского корпуса, который «...считает отказ городской управы в выдаче продовольственных карточек иностранным подданным, противоречащим принципам взаимности, так как за границей русские граждане пользуются правом на продовольствие наравне с прочими гражданами оснований» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 123]. 14 июля 1920 г. Управляющий делами продовольствия и снабжения Д.И. Соловьев предложил городскому голове и председателю думы пересмотреть решение об отказе «иностранным подданным в выдаче продовольственных карточек», поскольку он «...нарушает установившийся международный обычай, заключающийся в выдаче продовольственных карточек гражданскому населению независимо от принадлежности к тому или иному государству» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 122].

Хотя инициатива введения дискриминационной карточной системы принадлежала не городскому самоуправлению, именно оно в итоге было вынуждено отстаивать её от нападков. Продовольственная комиссия в ответном письме Управляющему Иностранными делами настаивала на сохранении введённого порядка, главными аргументами было то, что «...частный торговый аппарат продовольственным отделом не разрушается, а наоборот ему предоставлена свобода действий, откуда иностранцы имеют возможность приобретать продукты, ...средства ...отдела настолько незначительны, что он, безусловно, не может выполнить задачу снабжения продовольствием иностранцев, ...но если Консульский корпус предоставит возможность и средства продовольственному отделу на приобретение в достаточном количестве продуктов и по приемлемым для него ценам, то ...отделом могут быть выданы карточки, а по ним продукты иностранцам...» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 124].

В начале июля во Владивостокский окружной суд обратились жители Владивостока В.Г. Погожев, Ф.А. Беляцкий, М.К. Колесник и С.И. Николаи с жалобой на постановление городской думы, поскольку оно нарушает порядок, установленный новым Городовым Положением об Общественном Управлении городов (ст. 2. ч. 11) 1917 г. «По этой статье к предметам ведомства Городского общественного управления относится ...попечение о продовольствии населения и устранение недостатка и дороговизны предметов первой необходимости, ...между тем постановление Городской Думы от 10 сего мая, игнорируя попечение о продовольствии всего населения города создаёт для одной группы населения и именно для Членов Профессиональных Союзов особое привилегированное положение при помощи трудовых карточек, дающих право на продовольственный паёк в двойном размере и обрекает все остальное население города на голодное существование, лишая его продовольствия, в случае недостатка такового для усиления пайка для членов профессиональных союзов» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 141]. Кроме того, постановление подвергало дискриминации иностранных подданных, «...каковых ввиду географического положения Владивостока, как крупного порта, весьма много», они постановлением думы от 10 мая при условии общего контроля за продуктами питания ставились «в исключительно тяжёлое положение, при отсутствии же таковых они лишены возможности дальнейшего пребывания в городе Владивостоке» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 141 об.]. 19 июля 1920 г. суд в открытом заседании рассмотрел эту жалобу и определил постановление отменить и предписать городской думе пересмотреть его «...в спешном порядке на началах полной равномерности среди всего городского населения, не исключая и лиц, состоящих в иностранном подданстве» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 141 об.].

20 июля 1920 г. дума собралась, чтобы обсудить обращения об отмене её постановления. Гласные заслушали письмо Управляющего Делами Продовольствия и Снабжения от 14 июля, решение Окружного Суда от 19 июля. Присяжный поверенный В.И. Купресов пояснил детали процесса, отозвавшись весьма нелестно о порядках в Окружном Суде — «...там чисто семейная компания, которая решает дела по своему усмотрению. Отношение Суда к городскому самоуправлению отрицательное»; «...во всем данном процессе сквозила определённая тенденциозность и отсутствие соблюдения необходимых форм процесса. С одной стороны, Судьи забыли свой долг при отправлении правосудия, совершенно игнорируя интересы Городского Самоуправления, с другой стороны, совершенно самостоятельно заявили своё отношение по не возбуждавшемуся вопросу к “иностранцам”». По мнению В.И. Купресова, дума должна «...не только обжаловать решение суда по настоящему делу в судебном порядке, но и реагировать иным путём для поддержания авторитета Городского Самоуправления». Городской голова Б.А. Косминский настаивал на невозможности отмены постановления в части обеспечения продовольствием иностранцев, поскольку они «...никогда нам не оказывали содействия в приобретении продовольствия, а наоборот, были случаи, когда они чинили нам к этому даже препятствия». В результате дума постановила: «поручить Городской Управе принять все меры к поддержанию авторитета Городского Самоуправления» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 136—138, 140].

В данном деле явно проглядывало, с одной стороны, стремление «социалистической» думы руководствоваться требованиями революционной целесообразности, а не писаными законами, поскольку постановление думы противоречило статьям Городового положения 1917 г., которое признавалось правительством как действовавшее, с другой — требования консулов обеспечивать иностранное население наравне с русским при нехватке продовольствия, отсутствии помощи со стороны консулов союзных держав в снабжении города продовольствием и в условиях растущего недовольства интервенцией воспринималось большинством думы, да и населением, как несправедливое.

Консулы настаивали на обязанности города обеспечить карточками и иностранцев. Газеты развернули критическую кампанию против городских властей, что только подогревало страсти. После решения думы 20 июля об оставлении карточной системы в прежнем виде Косминский был вынужден оправдываться перед Японским Генеральным Консулом в письме от 4 августа 1920 г., что его речь в думе «о продовольственных карточках для иностранных подданных, живущих в гор. Владивостоке», помещённая в газете «Воля», «...не вполне отвечает действительности, так как я доложил думе, что отказ в выдаче иностранным подданным продовольственных карточек произошёл вследствие того, что имеющихся на местном рынке продуктов едва хватает русскому населению...» [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 149—150]. Он обещал на одном из ближайших заседаний вновь обсудить этот вопрос.

Все лето в городе продовольствие распределялось по карточкам трёх категорий, но даже при этом ощущалась нехватка то тех, то других продуктов питания, в лавках не успевали пересматривать цены, столь стремительной была инфляция. Возле лавок постоянно выстраивались хвосты, но, даже выстояв длинную очередь, можно было оказаться без продуктов, подвоз их в лавки сократился, поскольку закупки не покрывали потребностей городского населения [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 133—133 об.]. Летом положение на потребительском рынке осложнилось из-за бойкота азиатскими торговцами денежной реформы ВПДВ ПОЗУ. Трудности снабжения населения были связаны с отсутствием денег, сложностями закупок продовольствия в Маньчжурии ввиду непризнания правительства, отказом местных сельхозпроизводителей торговать на

деньги, а городу нечего было предложить взамен, у него не было ни мануфактуры, ни муки, ни других товаров. После апрельского выступления японцев и достигнутой договоренности о контроле японскими войсками железной дороги, все перевозки от Никольска до Хабаровска, включая воинские, правительственные, общественных и продовольственных организаций, должны были согласовываться с отделом Военных Сообщений Японского Командования. Незнание правил перевозок часто приводило к излишней переписке и задержкам в получении нарядов и отправке грузов [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 148].

В адрес правительства, городской управы посыпались обвинения в нежелании решать продовольственную проблему трудящегося населения. Пока шла эта борьба вокруг справедливости или несправедливости, законности или незаконности новой карточной системы, срок действия карточек — три месяца — почти закончился, и возникла необходимость выдачи новых на сентябрь, октябрь, ноябрь [РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 931. Л. 151, 152].

5 августа 1920 г. на заседании думы заведующий продовольственным отделом М.И. Полетаев предложил обсудить, оставить прежнюю систему карточек трёх категорий или ввиду состоявшегося постановления суда перейти к иному порядку, в связи с окончанием срока действия предыдущих. Городской голова настаивал, что «...хозяином города является Городская дума, а не Окружной Суд и отменять постановление Думы Суд не вправе, а потому постановление думы не приостанавливается», необходимо выдать новые карточки на 3-х месячный период и дума должна решить, делить ли карточки на трудовые, детские и общегражданские. На заседании фактически повторилось та же дискуссия, что и 10 мая, одни настаивали на прежней системе, другие, что необходимо обеспечить иностранцев и всё население города, невзирая на членство в профсоюзах. Со стороны некоторых гласных прозвучала критика существующей системы, например, В.А. Дайлидко заявил, что «...трудовые карточки имеются не только у трудящихся, но и у спекулянтов».

Квинтэссенцией позиции большевиков по этому вопросу явилось предложение В.Г. Антонова: «Принимая во внимание, что введение трудовых продовольственных карточек вызвано стремлением Городской Думы прийти на помощь неимущим слоям населения и что распределение продовольственных продуктов в равной мере для всех граждан, будучи формально справедливым, по существу являлось бы вопиющей несправедливостью, Владивостокская Городская Дума постановляет: оставить в силе старый способ распределения продуктов по карточкам трудовым, общегражданским и детским. По вопросу о снабжении продовольственными продуктами иностранного населения поручить Городскому Голове и Продовольственному Отделу войти в переговоры с Консульским Корпусом», оно и прошло большинством голосов при 4 воздержавшихся. Таким образом, несмотря на протесты и очевидное несоответствие действующему законодательству, принятая думой карточная система была сохранена.

Анализ двух случаев введения в городе карточной системы распределения продовольствия и товаров первой необходимости позволяет увидеть, с одной стороны, применение однотипных мер борьбы с дефицитом и дороговизной, с другой — разные подходы и механизмы их реализации. При цензовой думе из карточной системы были исключены только иностранцы и военные, снабжавшиеся интендантством, при социалистической — была введена очевидная дискриминация социально чуждых элементов: кроме иностранцев из карточной системы по настоянию ФЭС и большевиков сначала пытались исключить всё так называемое «нетрудовое» население, не объединённое в профсоюзы, но затем городская дума несколько смягчила крайне жёсткий вариант и лишь уменьшила нормы обеспечения продовольствием для этой части населения, предусмотрев только в самом крайнем случае угрозы голода полное лишение её прав на продовольственное обеспечение.

При Колчаковском правительстве и «цензовой» городской думе введение карточек было затруднено длительным многомесячным процессом согласований и обсуждений передачи городу продовольственного дела от Уполномоченного Министра снабжения и продовольствия, при ВПДВ ПОЗУ и «социалистической» думе — дискриминация нетрудового населения и иностранцев при введении карточек вызвала протест ущемлённого в правах населения и консулов. Интересно, что при цензовой думе иностранцы также были исключены из карточной системы, но протеста консулов не последовало, хотя, возможно, это было следствием политической неразберихи, вызванной сменой власти в городе, которая произошла вскоре после введения карточек.

Введение карточной системы каждый раз вызывало колоссальную работу продовольственных органов — создание карточных отделов, распределительных пунктов со специальными штатами служащих, многомесячную и довольно затратную работу по изготовлению и раздаче карточек, значительные расходы на изготовление карточек и заработную плату служащих. Эта деятельность создавала дополнительную нагрузку на городской бюджет, но в кризисных ситуациях угрозы голода подчас была единственным средством, позволявшим хоть немного его смягчить.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Анча Д.А., Калинин В.И., Позняк Т.З. Владивосток в фотографиях Меррилла Хаскелла. 11 августа 1919 — 23 февраля 1920. Хабаровск: РИОТИП, 2009. 324 с.
2. Далекая окраина. 1919.
3. Дальневосточное обозрение. 1919.
4. Дударь Л.А. Развитие внутренней торговли Дальнего Востока России (октябрь 1917 г. — июнь 1941 г.). дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. 316 с.
5. Куцый Г.С. Становление Советской власти в Приморье (1917—1922 гг.). Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1977. 175 с.
6. Позняк Т.З. Борьба с дефицитом и дороговизной в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны. Владивосток, 2016. С. 177—194.
7. Русский экономист. 1919.
8. РГИА ДВ (Рос. гос. ист. арх. Дальнего Востока).

REFERENCES

1. Ancha D.A., Kalinin V.I., Poznyak T.Z. *Vladivostok v fotografiyax Merrilla Xaskella. 11 avgusta 1919 — 23 fevralya 1920*. [Vladivostok in the photos of Merrill Haskell. August 11, 1919 — February 23, 1920]. Xabarovsk: RIOTIP Publ., 2009. 324 p. (In Russ. and Eng.)
2. *Dalekaya okraina*. 1917, 1919. (In Russ.)
3. *Dal'nevostochnoe obozrenie*. 1919. (In Russ.)
4. Dudar' L.A. *Razvitie vnutrennej trgovli Dal'nego Vostoka Rossii (oktyabr` 1917 g. — iyun` 1941 g.)*. *Dis. kand. ist. nauk*. [The development of domestic trade in the Far East of Russia (October 1917 — June 1941). PhD in hist. sci. diss.]. Vladivostok, 1998. 316 p. (In Russ.)
5. Kucyj G.S. *Stanovlenie Sovetskoj vlasti v Primor'e (1917—1922 gg.)*. [The formation of Soviet power in Primorye (1917—1922)]. Vladivostok: Dal'nevost. kn. izd-vo, 1977. 175 p. (In Russ.)
6. Poznyak T.Z. *Bor'ba s deficitom i dorogoviznoj v gorodax rossijskogo Dal'nego Vostoka v gody` Pervoj mirovoj vojny`* [The struggle with shortages and high prices in the cities of the Russian Far East during the First World War] // *Dal'nij Vostok Rossii i strany` Vostochnoj Azii nakanune i v gody` Pervoj mirovoj vojny`*. [The Far East of Russia and the countries of East Asia on the eve and during the First World War]. Vladivostok, 2016, p. 177—194. (In Russ.)
7. *Russkij e'konomist*. 1919. (In Russ.)